УРАКСИН З. Г.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
В ОБЛАСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Процессы взаимодействия языков, как правило, носят двусторонний характер, хотя степень воздействия того или иного языка на структуру контактирующего языка (или языков) в разные эпохи может быть весьма различной в зависимости от экстралингвистических — в большей мере и внутрилингвистических факторов — в меньшей мере.

Взаимовлияние языков наиболее рельефно проявляется в области лексики, менее показательно оно в фонетике. Многие языковеды фразеологию склонны считать сугубо национальным явлением, не подвергающимся иноязычному влиянию. Она менее проницаема в сравнении с лексическим составом, однако все же и в этой области языка наблюдается проникновение элементов языков иной системы.

Взаимодействие русского и тюркских языков, начавшееся с весьма отдаленных времен, нашло своеобразное отражение в письменных памятниках, а также в структуре современных литературных и живых народно-разговорных языков.

Безусловно, тюркские лексические заимствования в русском языке появились гораздо раньше, чем фразеологические. Употребление тюркских по происхождению слов в составе русских фразеологизмов является вторичным, более углубленным освоением этих слов уже в образно-переносном значении. Тюркизмы выступают в качестве основных смыслообразующих компонентов целых серий фразеологизмов¹: *карман — толстый карман, тощий карман, не по карману, бить по карману* и др.; *караул — под караулом, хоть караул кричи; баш, башка — баш на баш, дубовая башка, мякинная башка, пустая башка, вбивать в башку, свернуть башку* и др.; *башмак — быть под башмаком, держать под башмаком*. Активно употребляются в составе русских фразеологизмов и следующие тюркизмы: *алтын, аришн, базар, деньги* и др., есть и единичные образования типа *тришкин кафтан, каланча пожарная, ни бельмеса* и др., которые относятся к сниженному стилистическому пласту.

Большое количество тюркизмов закрепилося во фразеологизмах, встречающихся в русских народных говорах: *стало в карман* «стоило дорого» [2, вып. 13, с. 94]; *ночевать в чьем-либо кармане* «знать, что лежит у кого-либо в кармане»; *ноги на дороге, а нос в кармане* «замерзнуть из-за плохой одежды» [2, вып. 13, с. 44]; *карман трещит* «убыточно», *карман отвалился от денег* «очень много денег» [2, вып. 13, с. 94]; *кармана нету* «нет денег» [2, вып. 13, с. 94]; *бить по карманам* «мошенничать» [3; см. подробнее 4].

Естественно, в русских народных говорах состав фразеологизмов с тюркизмами гораздо шире, чем в литературном языке: *идти в камыши, быть в камышах* «участвовать в помочах (коллективной крестьянской работе)» [2, вып. 13, с. 33]; *каблук крыть* «скрывать следы, укрывать кого-либо» [2, вып. 12, с. 285]; *барышом придет* «вернется с прибылью, принесет барыш»; *ни барыша, ни корыша* «никакого толку»; *барыши дергать* «расчесывая шерсть овчин (после ее выделки), выдергивать ее для продажи» [2, вып. 2, с. 125]; *нашим глазам не первый базар* «о бессовестном человеке»

¹ Материалы по русской фразеологии извлечены из «Фразеологического словаря русского языка» [1].

[2, вып. 2, с. 48]; *кончал базар* «о нужном, приятном окончании чего-либо» [2, вып. 14, с. 273] и др.

В составе фразеологизмов, закрепившихся в русских народных говорах, встречаются и дериваты от тюркских слов: *базарная корова* «Бранно. О человеке, постоянно слоняющемся от безделья по чужим избам, дворам»; *базарные глаза* «Бранно. О бессовестном, нахальном человеке» [2, вып. 2, с. 48]; *казанское мыло* «О ловком, изворотливом, плутоватом человеке» [2, вып. 12, с. 310].

Особую группу фразеологических единиц с тюркизмами составляют выражения, встречающиеся в каком-либо жаргоне; *под стук собственных каблучков* (актерский жаргон) «без аплодисментов»; *барабан пробить* (воровской и арестантский жаргон) «совершить ночное воровство»; *брать на бугай* «обокрасть при посредстве подброшенного на улице кошелька» [5, с. 216]. Появляются и новые фразеологизмы с тюркизмами: *просиживать штаны* «длительное время безрезультатно и малопродуктивно заниматься чем-либо» [5, с. 222].

В составе некоторых русских фразеологизмов употребляются названия местностей и личные имена тюркского происхождения. Наиболее активным является имя золотоордынского хана *Мамай*: *мамаево нашествие* «неожиданное появление многочисленных и неприятных гостей, посетителей» и т. п., *мамаево побоище* «крупная ссора, драка; беспорядок, разгром, страшное опустошение» и др.

Состав и структура русских заимствований во фразеологии тюркских языков значительно отличаются от тюркизмов в русской фразеологии. Изменился характер взаимодействия этих языков, в современную эпоху массового национально-русского двуязычия влияние русского языка стало разносторонним.

Для более ранних этапов взаимодействия данных языков характерно употребление русских лексических заимствований в составе фразеологических единиц тюркских языков. В советский период процесс влияния усилился и расширился за счет калькирования выражений, и это стало одним из источников обогащения лексико-фразеологической структуры тюркских литературных языков. Изменяются и сферы заимствования: если раньше заимствование преимущественно происходило через устную разговорную речь, то сейчас этот процесс проявляется в письменной речи, в особенности через периодическую печать, а затем уже захватывает и разговорную речь.

Трудно выделить единый лексический пласт русского языка, который выступал бы во всех тюркских языках, потому что процесс воздействия русского языка на тюркские языки в прошлом был далеко неодинаков во времени и в собственно языковом плане. Лишь в немногих языках обнаруживаются одни и те же лексические элементы, как, например, в башкирском и татарском, в казахском и киргизском, или же — группе сибирских тюркских языков и т. п.

Фонетически освоенные тем или иным тюркским языком лексические элементы типа башк., татар. *бүрәнә* «бревно», башк. *мейес* «печь», *мискә* «бочка» и т. п. выступают в составе фразеологизмов: башк. *бүрәнә Утә бура күреү* «видеть пеня через плетень» (букв. «видеть волка сквозь бревно, бревенчатую стену»); *артык бүрәнә башы* «лишний, ненужный человек» (букв. «лишний обрубок бревна»); татар. *инэнә бүрәнә итү* «делать из мухи слона» (букв. «иголку превратить в бревно») [6, I, с. 402]; *ит мичкәсе* «бочка с мясом» (о непомерно толстом человеке) [6, I, с. 431]; *аракы мичкәсе* «алкоголик» (букв. «винная бочка») [6, I, с. 64]; *бармак чүтү* «счет на пальцах» [6, I, с. 125]; *акчасыз комедия* «бесплатное представление» [6, I, с. 39]; *акчасыз фатир* «бесплатная квартира» (о тюрьме) [6, I, с. 39]. Все приведенные материалы в толковом словаре татарского языка квалифицированы как нормативные единицы.

Интернациональное слово *билет*, заимствованное через русский язык,

выступает в качестве смыслообразующего центра ряда фразеологизмов башкирского и татарского языков: башк. *аҗ билет*, татар. *ак билет* [6, I, с. 32] «документ об освобождении от воинской повинности» (букв. «белый билет»), башк. *йәшел билет* «документ об отсрочке воинской службы» (букв. «зеленый билет»). По словам старожилков, до Октябрьской революции действительно выдавались книжечки белого и зеленого цветов, показывающие разное отношение к военной службе.

К той же эпохе относится фразеологизм башк. *кәзә билете*, татар. *кәзә билеты* [6, II, с. 256] «документ, удостоверяющий отсутствие права владельца на поступление в учебные заведения или государственную службу» (букв. «козий билет»), соотв. русск. *волчий билет*.

В башкирском и татарском языках функционирует фразеологизм Эндрай *казнаһы* (татар. *Эндрай казнасы*) «неиссякаемый источник богатства, денег» и т. п. (букв. «казна Андрея»), имеющий неодобрительную оценку и употребляемый по отношению к расточительному человеку. Появление этой фразеологической единицы с русским антропонимом связано, видимо, с именем конкретной исторической личности, затем уже забытой и ставшей чуть ли не нарицательным именем. В начале XVIII в. в течение длительного времени занимал высокую должность в канцелярии Уфимского уезда представитель царской администрации Андрей Жихарев, отличавшийся особым усердием по обложению башкир всякими налогами. При нем число взимаемых податей доходило до 72. Впоследствии на основании челобитных башкир правительствующий Сенат возбудил судебное расследование по делу Андрея Жихарева и его сообщников и осудил их, а за ними осталось прозвище «прибыльщики» [7].

В составе исконных фразеологизмов отдельных тюркских языков функционируют русские слова, в то время как в других тюркских языках те же фразеологические единицы употребляются с собственно тюркскими лексемами. Например: башк. *һуқыр бер тин тормай* «не стоит и ломаного гроша» (букв. «не стоит и слепой копейки»); азерб. *гара гәпшә дәймәз* (букв. «не стоит и почерневшей монеты») [8, с. 156]; узб. *бир тийинга арзимайди* (букв. «не стоит и копейки») [9, с. 64]; башк. *һуқыр тин дә юк* «нет ни одной копейки» (букв. «нет и слепой копейки») [10]; тув. *согур копеек чөк* (букв. «нет и слепой копейки») [11, с. 142].

От исконных фразеологизмов отличаются фразеологические словосочетания, возникшие в тюркских языках на основе образных выражений русского языка путем дословного перевода (кальки), либо с сохранением того или иного лексического компонента (полукальки), причем более поздние заимствования употребляются без фонетических изменений: татар. *аяклы энциклопедия* «ходячая энциклопедия» [6, I, с. 99]; *вак пешка* «мелкая пешка» [6, I, с. 226]; *ирекле казак* «вольный казак» [6, I, с. 407]; чуваш. *строя тӑр* «вставать в строй» [12, с. 24]; *ёсе (строя) кӑр* «вступать в строй» [12, с. 25]; *стройран тух* «выбивать из строя» [12, с. 27]; *кӑвак экран* «голубой экран» [12, с. 34]; узб. *бир винти кале, бир винти этишмайди* «винтиков не хватает, не все дома» [9, с. 38]; казах. *пар келди* «стать равными»; *партия болды* «сгруппироваться» [13, с. 440]. Русский фразеологизм *давать маху* с лексическим элементом *мах* принят во всех трех тюркских языках Урало-Поволжья без семантических сдвигов: чуваш. *махӑ пар* [12, с. 36]; татар., башк. *мах биреу (бирмәу)* «давать (не давать) маху».

Фразеологическая единица *открызывать Америку* вошла как полукалька во многие тюркские языки, сохраняя исконную семантику: башк. *Америка асыу*; татар. *Америка(һы) ачу* [14]; казах. *Америка ашты* [13, с. 40]; чуваш. *Америка ус* [12, с. 111]; узб. *Америка очмоғ* [9, с. 132].

Весьма оригинальная фразеологическая единица образовалась в башкирском языке: *ни ылтара ни пылтара, калган ике уртала* «ни то, ни се; недотепа», исходной основой которой должен быть русский фразеологизм *ни два, ни полтора* (со значением «неизвестно как — ни плохо, ни хоро-

шо») [1, с. 128], откуда заимствовано слово *полтора*, а также сама конструкция оборота и его семантика, добавлена вторая рифмованная часть, несколько дополняющая и раскрывающая семантику первой половины, которая может употребляться и самостоятельно.

В башкирском и татарском языках имеются единичные случаи передачи значения русского слова фразеологическим словосочетанием. Например, татар. *администраторлык иту* «администрировать» [6, I, с. 19], *идән асты* «подполье» [6, с. 364], башк. *дан йырлау* «прославлять», *һалкын канлы* «хладнокровный» [15, с. 921] и др.

Есть примеры и обратного характера, когда русский фразеологизм воспринимается как одно слово. Так, например, в башкирской народно-разговорной речи активно употребляется слово *һайат* «очень хорошее, замечательное», которое восходит к русскому *на ять* в том же значении.

В настоящее время наибольшее распространение в тюркских языках получили калькирование устойчивых, образных словосочетаний русского языка, этот процесс сейчас является односторонним, т. е. в качестве источника выступает преимущественно русский язык, что объясняется все более возрастающей его ролью в жизни народов СССР. Причем воздействие в основном оказывается через средства массовой коммуникации — периодическую печать, радио, телевидение и т. д., т. е. через сферы активного применения литературных языков.

Следует оговориться, что не все дословно совпадающие фразеологические единицы являются калькированными. Они могли возникнуть в сопоставляемых языках параллельно, ввиду общности человеческого восприятия и оценки внешнего мира, его отношений и связей. К числу подобных образований относятся фразеологизмы, образованные от названий частей тела и совпадающие по структуре, значению и образной основе: башк. *теле оҙон* — длинный язык, *баш ватыу* — ломать голову (над чем.-л.), *бармак аша ҡарау* — смотреть сквозь пальцы (на что-л.) и др.

Калькированные с русского языка фразеологические единицы имеются во всех тюркских языках [см. 16—18]; причем, как показывает сопоставление указанных исследований, в большинстве данных языков процесс образования и состав калек в основном сходны.

Дословному переводу подвергаются образно-номинативные единицы, существующие параллельно со словесными их обозначениями: *белое золото* «хлопок» — башк. *аҗ алтын*, татар. *ак алтын* [6, I, с. 31], чуваш. *шура ылтӑн* [12, с. 9]; *черное золото* «нефть» — башк. *ҡара алтын*, татар. *кара алтын* [6, II, с. 49]; кирг. *кара алтын* «каменный уголь» [19]. Образно-номинативные единицы, относящиеся к сфере духовной культуры, к которым нет однословных синонимов: *лебединая песнь* — башк. *аҫҡош йыры*, татар. *аккеш җыры*, узб. *оққуш кўшиғи* [9, с. 106], чуваш. *акӑш юри* [12, с. 80]; *первая ласточка* — башк. *беренсе ҡарлугас*, татар. *беренче ҡарлығач* [6, I, с. 152], узб. *биринчи җалдирғоч* [9, с. 135], чуваш. *кӗрремӗш чекӗс* [12, с. 114], азерб. *илк гарангуш* [8, с. 171]; *большое место* — башк. *ауырт-жан ер* [15, с. 60], татар. *ағырткан җир* [6, I, с. 13], азерб. *ахсајанјер* [8, с. 24], чуваш. *хавнак сырӑн* [12, с. 10] и др.

Употребление подобных образований в тюркских языках ограничивается сферой периодической печати и художественной литературы, они еще не проникли в общенародный язык.

Весьма различный круг понятий охватывают калькированные глагольные фразеологизмы: *плыть по течению* — башк. *ағым ыңғайына йӧзӧу*, татар. *ағым уңаена йӧзү* [6, I, с. 18], узб. *ақимиға җараб сузмоқ* [9, с. 138], азерб. *ағын-ла кетмәк* [8, с. 174]; *держатъ порох сухомъ* — башк., татар. *дарыны коро то-тоу*, азерб. *бараты гуру сохламағ* [8, с. 72]; *братъ пример* — башк., татар. *урнак алыу*, узб. *ўрнак олмақ* [9, с. 36], азерб. *ибрат алмағ* [8, с. 22]; *подать руку помощи* — башк. *ярҙам кулы һузыу*, узб. *ердам қўлини чўз-моқ* [9, с. 66]; *поставить на ноги* — башк. *аяҫка баҫтырыу*, азерб. *ајаға галдырмағ* [8, с. 189], узб. *сеңға турғизмоқ* [9, с. 124], чуваш. *ура сине*

тәрат [12, с. 159], *придавать значение* — башк. *аһажит биреу*, узб. *аҳажият бермәк* [20, с. 31].

Во многих тюркских языках (башкирский, татарский, узбекский, азербайджанский, киргизский и др.) оказались калькированными следующие фразеологические единицы русского языка: *вставлять палки в колеса*, *выйти сухим из воды*, *бросать слова на ветер*, *видеть своими глазами*, *играть (шутить) с огнем*, *между небом и землей*, *закидывать удочку*, *мелко плавать*, *на каждом шагу*, *мерить на свой аршин* и др.

Глагольные фразеологизмы проникают глубже в структуру заимствующих языков, употребляясь и в народно-разговорном языке, хотя первоначально они также возникают из практики перевода публицистических и художественных текстов на тюркские языки [13, с. 608—609]. Здесь, видимо, играет роль степень прозрачности их семантики и осязаемость образной основы.]

Трудно определить количество калькированных фразеологических единиц в том или ином из тюркских языков, потому что во многих из них еще не создано относительно полных фразеологических словарей, а выпущенные до сих пор двуязычные словари фразеологизмов являются краткими. Имеются и расхождения в оценке нормативности калькированных словосочетаний в этих языках. Так, например, в первый том «Толкового словаря татарского языка» включено более трех десятков фразеологизмов, представляющих собой дословные переводы с русского языка, в том числе: *аю хезмәте күрсәтү* «оказать медвежью услугу», *беренче кулдан* «из первых рук», *иске жыр* «старая песня», *йодрыкта тоту* «держаться в кулаке», *галошка утырту* «посадить в галошу» (азерб. *галоша отуртмаг* [21]), которые башкирские лингвисты не считают кальками и не включают как словарные единицы, а в двуязычных словарях дают их соответствия или перевод значений.

В тувинском языке калькированными с русского считаются: *эринде сүдү кеппээн* «молоко на губах не обсохло», *ийи арынныг* «двуличный», *сугнун ийи дамдызы дег* «как две капли воды», *чырыкче үнер* «выходить в свет» [11, с. 92] и др., в других тюркских языках аналогичные выражения не признаются за кальки, квалифицируются как собственные образования: узб. *оғз(и)дан она сүт(и) кетмаган* [20, с. 193], башк. *ауызында (ауызынан)ана һәтә кипмәгән* (букв. «у него во рту еще материнское молоко») и др.

Исследователи фразеологии ряда тюркских языков отмечали, что отдельные переводчики, журналисты и писатели чрезмерно увлекаются калькированием даже в тех случаях, когда образность дословно переведенного фразеологизма сильно ослаблена и почти не ощущается носителем языка, а в заимствующем языке имеются фразеологические единицы с аналогичным значением [13, с. 608]. В качестве таких примеров можно привести в башк. *себәндән фил аһау* «делать из мухи слона», *мыйыкка урау* «намотать на ус», *алһыу төстә күреу* «видеть в розовом цвете», тогда как в современном башкирском языке имеются фразеологизмы с той же семантикой, но с более высокой степенью экспрессивности и образно-метафоричным значением, чем дословные переводы, ср.: *тәймәләйзе дөйләй итеу* букв. «что-либо размером с пуговицу представить размером с верблюда», *берзе биш итеу* букв. «из одного сделать пять», *колакка [киртеп куйыу]* букв. «вложить в ухо», *ал да гөл итеп күреу* «видеть только прекрасным» и т. п. Калькирование оправдывает себя, когда в том или ином языке отсутствуют единицы с аналогичным значением и переведенный фразеологизм создает новое образное представление о том или ином явлении, такие фразеологические единицы «приживаются» и со временем входят в структуру данного языка.

В составе калькированных фразеологических единиц с русского языка в тюркские не наблюдается (за редким исключением) библеизмов, словосочетаний из античных источников и западноевропейских языков, кото-

рые в состав русской фразеологии вошли очень прочно [22; 5, с. 218—219]. Здесь, видимо, играет роль некоторая ослабленность идиоматичности калькированной фразеологической единицы в самом русском языке и затемненность ее семантики.

Среди калькированных фразеологизмов в тюркских языках вовсе не встречается устаревших по употребительности или единиц с явно устаревшими компонентами, с личными именами греческого, латинского, собственно русского происхождения (за исключением тех единиц, которые возникли на почве самих тюркских языков).

При калькировании, как правило, не происходит семантических сдвигов, фразеологизмы воспринимаются в тех значениях, в каких они функционируют в русском языке. Видовые значения глагольных компонентов не передаются в тюркских языках, т. е. глагол становится нейтральным к категории вида. Лексические варианты переводятся только одним, наиболее соответствующим по смыслу и нейтральным по стилистической окраске, экспрессивности, компонентом. Например: *бить (ударить, ударять) по карману* — башк. *кесгә һуғыу, брать (взять) себя в руки* — *үзәңде кулга алуу, бросать (кидать) слова на ветер* — *һүҙе елгә ташлау, найти (находить) общий язык* — *уртак тел табыу* и т. п.

Как видно из краткого обзора, характер взаимоотношений русского и тюркских языков в разные исторические эпохи неодинаков. В условиях массового национально-русского двуязычия, развития уровня грамотности населения воздействие русского языка на тюркские (да и на другие языки народов СССР) все более возрастает. Это проявляется и в области фразеологии.

В данной статье затронуты лишь отдельные аспекты взаимодействия русского и тюркских языков в области фразеологии, отмечены некоторые общие тенденции в процессах взаимодействия этих неродственных языков. Выявление более полных фактических данных по всем без исключения тюркским языкам и анализ объективных языковых процессов — одна из насущных задач лингвистов-тюркологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фразеологический словарь русского языка. Сост.: Войнова Л. В., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Под ред. Молоткова А. И. М., 1967.
2. Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Филин Ф. П. Вып. 2, Л., 1967; Вып. 12, Л., 1977; Вып. 13, Л., 1977; Вып. 14., Л. 1978.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2, с. 23.
4. *Гущина В. П.* Тюркизмы в составе фразеологизмов русского языка. — В кн.: Башкирская литература и литературный язык на современном этапе. Уфа, 1979, с. 113—121.
5. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
6. Татар теленең аңлатмалы сүзлегә (Толковый словарь татарского языка). Т. I. Казан, 1977; Т. II. Казан, 1979.
7. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.—Л., 1936, с. 108—111 и сл.
8. *Тагиев М. Т.* Русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 1974.
9. *Садыхова М.* Русско-узбекский фразеологический словарь. Ташкент, 1972.
10. *Ураксин Э. Ф., Надршина Ф. А., Исопов Х. Ф.* Башкортса-русса фразеологик һүҙлек. Өфө, 1973, с. 149.
11. *Хертек Я. Ш.* Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл, 1975.
12. *Чернов М. Ф.* Краткий русско-чуваший фразеологический словарь. Чебоксары, 1975.
13. *Кенесбаев I.* Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алма-Аты, 1977.
14. Русско-татарский словарь. Казань, 1971, с. 426.
15. Русско-башкирский словарь. М., 1964.
16. *Шаниязова В. А.* К проблеме фразеологизмов русского и туркменского языков. — Изв. АН Туркменской ССР, серия обществ. наук, 1969, № 2, с. 84.
17. *Юсупов Р. В.* Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1979.
18. *Хертек Я. Ш.* Фразеология современного тувинского языка. Кызыл, 1978.
19. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. Фрунзе, 1980, с. 114.
20. *Разматуллаев Ш.* Үзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. Тошкент, 1978.
21. *Оручев Ә. Ә.* Азербайжанча-русча фразеолокција луғәти. Баку, 1976, с. 93.
22. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., 1969, с. 140—147.